

Прилежащие к Шарцзан-сумэ с севера горы вздымались крутым валом и состояли из полуразрушенного, выветрелого розового гранита, прорезанного жилами глинистого сланца. Каменистый грунт особенно тяжело отзывался на мягких лапах верблюдов, причиняя им немало страданий и заставляя всех нас желать возможно скорейшего переснаряжения каравана.

В обширной долине Шарцзан-ара, граничащей с севера темно-синим массивом Арыкшан, у колодца Цзагин худук, раскинулась богатая ставка, известная всему Алаша, ламы Иши. Пользуясь дружеским расположением одинокого и весьма симпатичного азиатского крза, я именно у него и предполагал произвести смену усталых животных и проводников. Согласно нашим ожиданиям, Иши с величайшею готовностью откликнулся на нужды экспедиции и взялся доставить ее в Ургу, через Хара-хото. Приветливый лама принял путешественников в своей роскошной ковровой юрте очень любезно, угостил туземными кушаньями, деликатно осведомился, не нужно ли денег экспедиции и наконец выразил мне свое глубочайшее уважение, сказав, что гордится знакомством с русским географом... Беседуя между прочим о своем детище — гобийском Мертвом городе, я узнал, что в десяти верстах к востоку от его стен имеется хороший колодец; по словам моего приятеля, в этих местах монголам не раз удавалось находить бронзовые, золоченые бурханы и другие ископаемые предметы, а поэтому Иши советовал мне обратить особенное внимание на восточные окрестности Хара-хото.

Лама Иши.

Чем глубже экспедиция проникала в сердце пустыни, тем невыносимее становилась жара. В тени, температура нередко поднималась уже до 34° и 37° С, а поверхность песка на